

А. Г. ГОРНФЕЛЬД

БОЕВЫЕ ОТКЛИКИ

НА

МИРНЫЕ ТЕМЫ

ЛЕНИНГРАД
„КОЛОС“
1924

В мастерской Чехова.

«Среди бумаг Антона Павловича был найден ряд листков, вложенных в особую обложку, с надписью: «Темы, мысли, заметки, отрывки». У О. Л. Книппер-Чеховой сохранилась записная книжка А. П., в которую он вносил отдельные мысли, планы задуманных произведений, понравившиеся ему цитаты и пр. Использованное им зачеркивалось. Какое значение придавал сам А. П. этим материалам, можно видеть из того, что большую часть их он набело переписал сам в особую тетрадку».

Эти материалы, дающие даже при поверхностном взгляде известное представление о процессе художественного творчества Чехова, появились во втором сборнике «Слова», изданном «ко дню десятилетия смерти писателя». Конечно, эти заметки из записной его книжки ценны не только для специалиста, важны не только для научного исследования. Их просто приятно читать. Для любителя литературы, любящего незаконченное, чтобы самостоятельной творческой работой закончить его, любящего намек писателя, дающий толчок чуткому писателю, — для такого любителя фрагменты Чехова могут служить источником богатого художественного наслаждения. Страшна их судьба.

В наши дни, — дни обостренного эстетического снобизма, так легко соединяющегося с элементарной некультурностью, — слишком возможны попытки раздуть художественное значение отрывков, заявить, что незаконченное выше законченного. Вынесенные на улицу отрывочные продукты оборванной интимной работы подвергаются опасности грубого непонимания, грубого опопления. Нам часто неизвестен удельный вес этих записей, их истинный смысл, их взаимоотношение. Это писалось для себя и только для себя, это — часто только стенограмма, а иногда и криптограмма, — а мысль вульгарная отнесется к этому, как к явному, ясному, общедоступному. Вот, например, ряд афоризмов: «Говорят, в конце-концов правда восторжествует; но это — неправда» или: «Университет развивает все способности, в том числе глупость», или: «Настоящий мужчина состоит из мужа и чина», или: «Смерть страшна, но еще страшнее было бы сознание, что будешь жить вечно», или: «Нет ничего такого, чего бы история не освящала». Здесь есть глубокое, есть мелкое, есть свое, есть чужое, — а на все это налепят ярлык чеховского глубокомыслия. и не сегодня — завтра какой-нибудь из этих невыносимых чеховских поклонников блеснет максимой «Мертвые срама не имут, но смердят страшно, — как остроумно заметил А. П. Чехов». А А. П. Чехов записал в книжку этот пустяк, быть-может, лишь затем, чтобы вложить его когда-нибудь в уста такого остроумничающего пошляка.

Но что делать? Все написанное есть только фрагмент, все, что сказано, живет в постоянной опасности извращения. Пусть коверкают, — лишь бы любили.

Основной интерес чеховских заметок, конечно, не в этой литературной занимательности, а в том, что они, как правильно отмечено в предисловии, «вводят читателя в процесс творчества А. П.». С этой точки зрения они действительно очень ценны и дают возможность сразу наметить кое-что, что должно подтвердиться дальнейшим исследованием.

Когда-то Тургенев жаловался на отсутствие выдумки в новой русской литературе. Он имел в виду способность создавать сюжеты, комбинации положений, движение интриги: то именно, чем были бедны современные ему второстепенные бытовики. В заметках Чехова бросается в глаза именно склонность к выдумке. В его записных книжках почти нет чистого сырья, — оттого они так интересны. Мало того: в них удивительно многое представляется нам уже оторванным от действительности. Здесь относительно мало подмеченного в жизни и страшно много пересоздающего жизнь. Целый ряд мелочей с чрезвычайной убедительностью показывает здесь, в какой сильной степени Чехов питался материалами, так сказать, сочиненными, т. е. не столько наблюденными, сколько созданными, как параллель действительности, ее изображающая. Когда читаешь такие записи: «Граф, я уезжаю в Мордегундию» или такой диалог: «Отчего умер ваш дядя? — Он вместо 15-ти капель Боткина, как прописал доктор, принимал 16», или: «Бедное многострадательное искусство», или: «Маленький крошечный школьник Трахтенбауэр», — то знаешь, что Чехов этого не слышал и не видел, а сочинил. На одной странице почти рядом — две записи: «Анахтема» и «все это председадура»: всего веро-

ятнее, что первое Чехов слышал, второе — сочинил, как сочинено им «Отец иерохиромандрит» и как не сочинено, а несомненно подслушано восклицание: «Барыня, иже херувиму несут! (хоругвь)». Записи пересыпаны фамилиями, конечно сочиненными: Гусыня, Кастрюля, Устрица, еврей Перчик, еврей Чепчик, еврей Цыпчик, актриса Гитарова, господа Груш и Полкатыцкий, Шапчерыгин, Цимбизбульский, Свинчутка, Чембурауля, Зигзаковский, Варвара Недотепина, Карл Кремертартерлау, мадам Гнусик, Мордохвостов, Зюзикив, чех Вшичка, помещик Дреколье, Перкатурин, Фырзиков. Это — фамилии, сочиненные не потому, что они невозможны в действительности, — действительность всегда причудливее выдумки, — но потому, что они и по замыслу писателя должны пахнуть выдумкой. Это — откровенная карикатура, которая и не выдает себя за трезвую действительность, и при фамилиях Фильдеков и Попрыгуньев так и отмечено: «для водевиля».

И в более сложных формах — та же безудержная выдумка. Чем же, как не водевилем, отдают такие сюжеты Чехова: «Радикалка, крестящаяся ночью, втайне набитая предрассудками, втайне суеверная, слышит, что для того, чтобы быть счастливой, надо ночью сварить черного кота. Крадет кота и ночью пытается сварить».

Или: «Робкий молодой человек приехал в гости, остался ночевать; вдруг вошла старуха лет 80-ти, глухая, с клистирной трубкой и поставила ему клистир; он, думая, что это так принято, не протестовал, на-утро оказалось, что старуха ошиблась». Здесь все — шарж, как шарж «Общество отыскания и поднятия якорей с речных пароходов и барж», как шарж — воспитанница графини Надин,

которая, выйдя замуж за земского начальника, так боялась мужа, что «раз как-то он громко кашлянул, она испугалась и умерла».

Однако не только шарж, не только гротеск знают это явное уклонение от действительности: его знают и другие формы стилизирующего творчества. Сочиняет всякий поэт, всякий создает свой мир из элементов действительности, всякое поэтическое мышление есть изображение; всякое изображение есть преобразование. Но различно бывает расстояние между виденным и созданным, между непосредственным опытом и символами, его изображающими, различны в этом смысле типы поэтов, различны стили. И сюжеты в записях Чехова часто отдают придуманной, искусственно поставленной задачей даже там, где дело не в шарже. Может-быть, разработка подробностей, самое осуществление сюжета должны были сделать его как бы отрывком сырой жизни; вернее, что этого бы не стало: ведь и на законченных произведениях Чехова Д. Н. Овсяннико-Куликовский показал, как силен в них прием стилизирующего упрощения, ирреальной схематизации. Он называет это художественным экспериментом, но дело не в термине.

Еще несколько сюжетов:

«Супругам плохо спится; разговорились о том, как плохо стала литература и что хорошо бы издавать журнал; эта идея увлекла обоих; полежали, помолчали. — Боборыкина пригласить? — спросил он. — Конечно, пригласи. — В пятом часу утра он отправляется на службу в депо, она провожает по снегу до ворот, запирает за ним... — А Цоталенку пригласить? — спрашивает он уже за калиткой».

«Н. каждый день пил молоко и каждый раз брал в стакан муху, потом спрашивал строго у лакея:— Это что такое?— С лицом жертвы».

«Муж приглашает приятелей в Крым к себе на дачу, а жена потом, тайно от мужа, подает им счета и получает за квартиру и стол».

«Чиновник дерет сына за то, что он по всем предметам получил 5. Это, кажется, мало. Потом, когда ему разъяснили, что он неправ, что 5, это — лучшая отметка, он все-таки высек сына — с досады на себя».

Возможно все это? Почему бы и нет. Мало ли что в жизни возможно. И все-же — не пахнет виденным и слышанным: какая-то неуловимая грань отделяет эти нелепые истории от действительности. Они намечены как искусственные схемы, в которые уляжется живая действительность, они сочинены, как сочинена задача в учебнике арифметики. «Два пешехода шли навстречу друг-другу, один со скоростью $3\frac{1}{2}$ километров в час, другой — со скоростью 30 сажень в минуту». И так далее. Возможно это? Конечно, да. Списано оно с действительности? Конечно, нет. Это установлено для нас не логически, а психологически. И «Розалия Осиповна Аромат» могла существовать в действительности; но все-таки ее выдумал Чехов, — и выдумка подчеркнута в этом имени: совсем не то, что Лаврецкий, или Калинович, или Левин.

Есть, конечно, и другие записи, и другие сюжеты: их Чехов, очевидно, выхватил из действительности, да и невозможно представить себе художника, который не запускал бы руку в эту сокровищницу художественно законченных и для чуткого человека уже как бы творчески

пересозданных, от природы типичных фактов. Когда Чехов записывает: «Летним утром, в воскресенье, слышен стук экипажа: это поехали к обедне», то в этой записи как бы чувствуется отголосок только-что пережитого впечатления. Чехов даже дату отметил—13-го декабря—того дня, когда «видел владелицу фабрики, мать семейства, богатую русскую женщину, которая никогда не видела в России сирени». Конечно, такой факт казался ему ярче и невероятнее всякой выдумки, и такими невероятностями, выхваченными из жизни, полны книжки Чехова. Но в его писательской психологии существеннее другое: то, что Чехов был хороший наблюдатель, знает всякий. Заметки в его записной книжке говорят о другом: он был прежде всего изобретатель, удивительно богатый выдумкой, яркой и убедительной. От шаржа первых юмористических рассказов он пришел к утонченным схемам своих повестей и драм, но там и здесь оставалась единой поэтика Чехова, там и здесь поражает умение «из себя» создать сюжет. Недаром Чехов хвалился богатством тем, недаром он готов был о чем угодно,—хоть вот о стоящей перед ним пепельнице,—написать рассказ. Малейший намек действительности давал ему толчок, и достаточно было этого легкого прикосновения, чтобы творческое воображение Чехова унеслось под небеса. *Произведения* его творчества заставляют отнести его к реалистам; *в процессе* творчества он был как бы фантастом реализма. Трезвы, просты, повседневны его темы, его люди, его интриги, но когда вдумываешься в течение мысли, их создавшей, то кажется, что она создала их из ничего.